Список литературы

1. Алешина Л.В. Словари авторских новообразований в контексте современной отечественной лексикографии: дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2002.
2. Видуэцкая И.П. Творчество Лескова в контексте русской литературы: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994.
3. Горелов А.А. Н.С. Лесков и народная культура. Л.: Наука, 1998.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006. Т. 1–4.
5. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Отчий дом, 2002.
6. Леденёва В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова. М.: ИИУ МГОУ, 2000.
7. Леденёва В.В. Слово Лескова. М.: ИИУ МГОУ, 2015.
8. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений в 30 томах. М.: ТЕРРА-TERRA, 1996.
9. Раевский С. Публицистика Н.С. Лескова начала 60-х годов // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. 1958. Т. XXXII. Ч. 2. С. 137–160.
10. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Рус. язык, 1981.
11. URL: http://azbyka.ru; http://pravbeseda.ru.

* * *

1. Aleshina L.V. Slovari avtorskih novoobrazovanij v kontekste sovremennoj otechestvennoj leksikografii: dis. ... d-ra filol. nauk. Orel, 2002.
2. Vidujeckaja I.P. Tvorchestvo Leskova v kontekste russkoj literatury: dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1994.
3. Gorelov A.A. N.S. Leskov i narodnaja kul'tura. L.: Nauka, 1998.
4. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. M.: AST: Astrel': Tranzitkniga, 2006. T. 1–4.
5. D'jachenko G. Polnyj cerkovno-slavjanskij slovar'. M.: Otchij dom, 2002.
6. Ledenjova V.V. Osobennosti idiolekta N.S. Leskova. M.: IIU MGOU, 2000.
7. Ledenjova V.V. Slovo Leskova. M.: IIU MGOU, 2015.
8. Leskov N.S. Polnoe sobranie sochinenij v 30 tomah. M.: TERRA-TERRA, 1996.
9. Raevskij S. Publicistika N.S. Leskova nachala 60-h godov // Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gercena. 1958. T. HHHII. Ch. 2. S. 137–160.
10. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. M.: Rus. jazyk, 1981.

Language assessment means in the articles by N.S. Leskov about police doctors

There are analyzed the language means of assessment in the articles by N.S. Leskov about police doctors.

Key words: *N.S. Leskov, early publicism, police doctors, bribe, language means, assessment, irony.*

(Статья поступила в редакцию 03.07.2015)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Д.С. ГЕРМАН
(Волгоград)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АСОЦИАЛЬНОСТИ В ПОЭЗИИ В. МАЯКОВСКОГО И А. ВАСИЛЬЕВА

Представлены результаты сопоставительного анализа мотивной доминанты асоциальности лирического «я» в лирике поэтов начала и конца XX в. Разнообразие форм и функций поведения героя (бунт, карнавальное осмеяние, отчуждение) позволяет сделать вывод о типологической близости приемов творческой рефлексии авторов, обусловленной как внешними факторами (сходством кризисных, переходных эпох), так и внутренними (генетическим родством и преемственностью).

Ключевые слова: *лирический герой, литературная традиция, рок-поэзия, романтизм, урбанизм.*

Необходимость целостного осмысления фактов отечественного литературного процесса XX в. в сложном единстве составивших его художественных тенденций – одна из насущных задач современного литературоведения, не случайно проявляющего сегодня устойчивый интерес к изучению литературных явлений, отстоящих друг от друга в историческом времени, прежде всего, в аспекте их генетического и типологического схождения [6; 7;

© Герман Д.С., 2015

13]. Цель подобных исследований обусловлена стремлением выявить характер преемственности их художественных парадигм, уточнив, таким образом, специфику функционирования традиции в условиях XX в., поскольку «связь истории литературы с живою современною литературой, – по словам Ю.Н. Тынянова, – связь выгодная и нужная для науки» [13, с. 190].

Русская рок-поэзия рубежа XX–XXI вв. представляет собой яркое явление отечественной культуры и оценивается исследователями как «новый этап в развитии русской словесности» [5, с. 29]. Впервые рок-текст стал предметом всестороннего и глубокого литературоведческого анализа ученых Тверского государственного университета. Его результаты представлены на страницах многотомного сборника научных трудов «Русская рок-поэзия: текст и контекст» (1998–2012 гг.), где и было впервые высказано предположение о правомерности изучения собственно текстового компонента рок-песни «по аналогии с текстом фольклорным или драматическим» [9, с. 3]. В связи с этим особую актуальность, на наш взгляд, приобретает поиск закономерностей в процессе генезиса рок-поэзии с целью уточнения места этого феномена как в общекультурном отечественном пространстве, так и в собственно литературном процессе XX в.

В этом направлении в исследовательской практике уже сложилась определенная традиция: творчество рок-поэтов не раз рассматривалось в рамках эстетических принципов романтизма и модернизма [7], в частности в контексте поэзии В.В. Маяковского [6; 10], тем более что некоторые из рок-поэтов напрямую говорят о его непосредственном влиянии на свое творчество, как, например, А. Васильев, лидер группы «Сплин» [8].

Мы остановимся на приемах репрезентации личностного и социального начал в их парадоксальном единстве-отторжении, присущем художественным системам обоих авторов и обусловленном характерным романтическим мировидением героя-бунтаря в пространстве города.

Основной чертой романтического мышления, как известно, является ключевая оппозиция «идеал – реальность», которая получает свое воплощение в образе лирического героя и проявляется, прежде всего, в его стремлении вырваться за пределы реального мира, суть которого ему непонятна и враждебна, или же, напротив, он единственный, кто ясно видит несовершенство, ужас и обреченность реальности.

Основным принципом мироустройства у Маяковского становится эстетизация эгоцентризма. Яркий пример – стихотворение «Себе, любимому, посвящает эти строки автор» (1916), где гигантизм личности доведен до предела, до абсурда, когда «я» заполняет собой все художественное пространство, превосходя все мыслимые варианты сравнения и обобщения:

Если б был я
маленький,
как Великий океан, –
<…>
О, если б был я
тусклый,
как солнце! [7, с. 126–127].

Такой герой начинает ощущать несоответствие своей «великой души» и окружающего мира, понимать свое одиночество. Так, стихотворение «Нате!» (1913) было первым в целом ряду произведений, в которых поэт видит вокруг себя лишь пошлых буржуа, вызывающих в его сознании резкую инвективу:

А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется – и вот
я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам [7, с. 56].

При воссоздании образа городского жителя в полной мере раскрывается мастерство Маяковского-сатирика, где в образе буржуа героем видятся «проживающие за оргией оргию», «думающие, нажраться лучше как» [7, с. 75]:

Брюшком обвисшим и гаденьким
лежит на воздушном откосе,
и пухлые губы бантиком
сложены в 88 [Там же, с. 99].

Можем предположить, что подобные оценки представляют собой, по словам М.М. Бахтина, форму «простодушно-наивного» «непонимания» – «организующий момент почти всегда, когда дело идет о разоблачении дурной условности» [1, с. 313], которое изображается «с точки зрения непричастного ей и не понимающего ее человека» [Там же, с. 313]. Это непонимание подчеркивается при выборе лексических средств. Например:

...голодным самкам накормим желания,
поросшие шерстью красавцы-самцы! [7, с. 81].

Лирический герой намеренно оперирует с намеренно сниженным, сугубо «биологическим» словом и классифицирует обитателей

города только по половому признаку. Подобная дифференциация сужает спектр возможных личностных проявлений, а использование подчеркнуто сниженной лексики и эпитетов («голодным» самкам и «поросшие шерстью» самцы) акцентирует лишь репродуктивную функцию как единственно присущую горожанам. Эпатаж может быть расценен как форма намеренной асоциальности, утверждаемой лирическим героем Маяковского, как единственно возможная для поэта этическая норма в приземленном мире города.

Если в «Гимне здоровью» (1915) герой еще может определить половую принадлежность «людей из мяса», то в стихотворении «Надоело» (1916) он, констатируя, что «в 1916 году / из Петрограда исчезли красивые люди» [7, с. 113], повсюду видит «неведомое ни на суше, ни в пучинах вод, / старательно работает над телячьей ножкой / загадочнейшее существо» [7, с. 112]. Таким образом, городской человек перед глазами лирического героя заметно регрессирует, утрачивая индивидуальность как таковую.

Личность бунтующая, асоциальная находит свое художественное отражение и в стихотворениях рок-поэта А. Васильева, причем отношения героя и окружающих его людей могут быть представлены как ряд очевидных схождений с репрезентацией асоциального поведения героя Маяковского, так и некоторых отличий от него.

Так, в образной системе рок-поэта А. Васильева находим лишь несколько упоминаний о жителях города, которые предстают у рок-поэта в большинстве своем лишь элементами городского пейзажа:

Женщина в доме напротив [4, с. 20].

Жена ждет пилота из аэропорта на выходе… [Там же, с. 179].

Из похода всадник вернулся пешим
Заглянул в свой дом, обалдел, опешил
<…>
Тишина вокруг. Ни друзей, ни барышень [10].

Как видим, Васильев, как и Маяковский, создает предельно обобщенные, типизированные образы городских жителей. Но если герой Маяковского, сатирически оценивая человека и его общественные роли, широко использует гротескные образы, максимально проявляя свою субъективность, оставаясь в рамках модернистской интенции, то лирический герой Васильева подчеркнуто скорее избегает крайне субъективных суждений: житель его города – это среднестатистический труженик, ничем не выделяющийся из толпы его же соплеменников. Если Маяковский создает новый образ, то Васильев, скорее, опирается на прецедентный текст, отсылая воображение читателя к тому, что уже знакомо и растиражировано:

Нехорошие вести несет нам домой почтальон [4, с. 29].

Танкист давно уехал прочь [Там же, с. 72].

Страна велика, шофера – люди добрые [Там же, с. 141].

Вместе с этим необходимо отметить, что, несмотря на существенное различие в их словесной презентации, семантическая наполненность обоих образов имеет определенное сходство: как гротескный буржуй Маяковского, так и рядовой шофер Васильева безлики и безынициативны и служат лишь для актуализации в сознании лирического героя собственной уникальности и значимости его позиции в обществе и мире, что и толкает его к отчуждению и асоциальному поведению. Можно предположить, что разные способы типизации, гротеск и прием среднестатистической усредненности, репрезентируют и разное отношение героя к обществу, различные способы собственной асоциальной актуализации. У Маяковского она оказывается ближе к романтическому бунту против буржуазной пошлости, а у Васильева выливается в бунт против обезличенности, порожденной иными причинами (обществом потребления, превращающего человека в «машину потребления» и нивелирующего личность), но сущностное их сходство очевидно.

В последующих произведениях Васильева его «обыкновенные» люди_утрачивают последние черты индивидуальности, заменяются неопределенными и обобщенными наименованиями:

Те же знакомые рожи [4, с. 76].

Никто не сделает шаг, не вспомнит, не заплачет [Там же, с. 34].

Никому не доверяй
Наших самых страшных тайн [Там же, с. 143].

Жаль, что все остальные разбежались по норам,
Нас оставив на самом краю [Там же, с. 21].

Эти «остальные» – лишь зарисовки, по М.М. Бахтину, это образы-«вещи» [2, с. 515], равные себе, которые «читатель познает <…> практически в полном объеме» [5, с. 23]. Они сопровождают одинокого героя Васильева и получают свое воплощение в стихотворении

«Шахматы» (2014), в котором мир представляет собой пустую шахматную доску с королем, который обречен сыграть последнюю партию. Романтическим пафосом окутан и образ героя – одинокого монарха, который предпринимает попытку бунта («Он посмотрел на них и сказал: “Ребята ! / Пока вы дохнете от тоски – / Ваши портреты давно превратились в шаржи / Это как с чужой королевой затеять шашни / Это не шахматы – это шашки” / Он перепрыгнул их, и ушёл с доски» [10]).

В приведенных стихах не типична реакция толпы на бунт героя как для классического романтизма, так и для нового романтизма Маяковского:

И публика аплодировала ему всё дольше и дольше
И громко свистела, и била в ладоши
Кричала ему – какой ты хороший
И несла ему горы цветов [Там же].

Положительная реакция толпы эксплицирует диаметрально противоположную этическую позицию: там, где герой своим бунтом показывает свое недовольство, толпа, наоборот, кажется, не замечает его протеста, уверена в том, что ситуация «игры на публику» продолжается.

Лишь иногда образ городского обывателя у Васильева выходит за грань вещи, наполняясь новым содержанием, как, например, в стихотворении «Рыба без трусов» (1996), где репрезентация свободолюбия героя во многом сходна с ранними поэтическими текстами Маяковского, в частности, через использование подчеркнуто сниженной, обсценной лексики, а также через поиск еще более нестандартных средств создания художественного образа.

Так, в начале произведения дается подчеркнуто схематический зачин «дурдома нет без дураков, / рыбалки нет без рыбаков» [4, с. 36]. Прием синтаксического параллелизма приравнивает рыбалку к дурдому и придает негативную оценку не только людям-рыбакам, но и самому себе – «рыбе без трусов». М.М. Бахтин отмечает, что для подобного типа героя «характерна своеобразная логика “обратности” <…>, “наоборот”, “наизнанку”, логика непрестанных перемещений верха и низа <…>, лица и зада, характерны разнообразные виды пародий и травестий, снижений, профанации, шутовских увенчаний и развенчаний» [3, с. 16]. Именно подобный прием наблюдаем и у Васильева:

Порой мне кажется, что я –
Обыкновенная свинья,
Обыкновенная морская полосатая свинья.
Меня позволено пинать,
Меня позволено сожрать,
Но перед этим
Ты сумей меня поймать [4, с. 37].

Герой Васильева – трикстер, цель его заключается в том, чтобы внедрить «антиструктурные элементы в социальный и культурный порядок», превратить «дисциплинарное “состояние исключенности” в антиструктурное оправдание полной – лиминальной, а потому непристойной – свободы» [6]. Потому так необходима сниженная, грубая лексика и нарочитая театральность, эксплицирующая карнавал – «вторую жизнь народа, организованную на начале смеха» [3, с. 13].

Благодаря своей хаотичной природе, шутовскому обличью лирический герой нарушает размеренное течение жизни: «стирается повседневно-онтологическая граница между игрой и серьезным делом, где ликвидируется безопасная дистанция между фантазией и действительностью, становится зыбко-неопределенным соотношение между серьезным и блефом» [9, с. 713]. Подобный диссонанс и становится основным средством создания людских образов этого стихотворения.

Можно считать, что если карнавал Васильева – диалог с народной культурой с ее «площадным и всенародным характером» [3, с. 45], то у Маяковского – это романтический гротеск, «карнавал, переживаемый в одиночку с острым сознанием этой своей отъединенности» [Там же, с. 45]. Именно поэтому свобода героя Маяковского оценивается им как тяжкое бремя:

Спрятать голову, глупый, стараюсь
в оперенье звенящее врыв [7, с. 130].

Непонимание своеобразной личности лирического героя толпой именно поэтому выражается у Маяковского в резкой форме осуждения и негодования:

«Будьте добры, причешите мне уши».
Гладкий парикмахер сразу стал хвойный,
лицо вытянулось, как у груши.
«Сумасшедший!
Рыжий!» –
запрыгали слова.
Ругань металась от писка до писка
[Там же, с. 57].

Происходит отчуждение романтического героя, осознающего свое одиночество. Лири-

ческий герой Маяковского требует своего права быть «чужим» в ненавистном ему буржуазном обществе:

День еще –
и один останусь
я,
медлительный и вдумчивый пешеход [7, с. 111].

Отчуждение лирического героя часто сопровождается публичным заявлением, завершающимся угрозами и желанием физической расправы:

... я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам [Там же, с. 56].

И далее:
А этому взял бы да и дал по роже:
Не нравится он мне очень [Там же, с. 100].

Герои обоих поэтов именно через актуализацию собственной асоциальности подчеркивают свою уникальность, отвергая малейшую возможность социальной адаптации поэтического «я». Вместе с этим они по-разному реагируют на воздействие социума: лирическое сознание Маяковского ощущает давление не только со стороны окружающих, но и от себя самого («какими Голиафами я зача́т – / такой большой / и такой ненужный?» [Там же, с. 127]), тогда как Васильев не позволяет своему герою заниматься самобичеванием. На наш взгляд, подобная поведенческая реакция Васильева на враждебность толпы обусловлена характером общественного сознания рубежа XX–XXI вв., когда культура, по словам М. Эпштейна, уступает место транскультуре, позволяющей личности существовать «за границами сложившихся национальных, расовых, гендерных и даже профессиональных культур» [www: сноб.ру], наделяя ее абсолютной свободой в самопрезентации.

Крайней формой отчуждения героев Маяковского и Васильева является осознание ими своего творческого потенциала. Если в стихотворении «Ночь» (1913) и цикле «Я» лирический герой Маяковского впервые упоминает о себе как о художнике («громада смеха отлитого кома» [7, с. 33], «ведь это ж дочь твоя – / моя песня» [Там же, с. 46]), то в последующих произведениях он трансформируется в образ страдающего поэта:

Но меня не осудят, но меня не облают,
как пророку, цветами устелят мне след.
Все эти, провалившиеся носами, знают:
я – ваш поэт [Там же, с. 62].

Герой Васильева также презентует себя как поэт-певец:

Ты все танцуешь,
Я все пою [4, с. 91].

Мне сказали слово, я расплел его в строку,
Голос был привязан к телефонному звонку,
Странные оркестры бродят в голове моей
[Там же, с. 9].

Неспешно в стихи заплетаются строчки
[Там же, с. 179].

Предполагаем, что асоциальный герой Васильева, с одной стороны, продукт типологического схождения эстетических установок двух поэтов, принадлежащих разным временным пластам, но связанных характером общественно-политической ситуации, на которую и направлен протест бунтующего сознания. С другой стороны, очевидна генетическая связь бунтарства Васильева с Маяковским, проявляющаяся как в сходном типе самоопределения героя как эксцентричного индивидуалиста, поэта, бунтаря, так и в описании жителей урбанистического пространства. Необходимо отметить, и это представляется главным, что показанные выше схождения не являются, на наш взгляд, прямой стилизацией, а скорее спонтанны и вызваны под воздействием творчества Маяковского на ментальный багаж Васильева.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975.
2. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
4. Васильев А. Сплин: тексты песен. М., 2008.
5. Воробьева С.Ю. Автор – текст – читатель: теория и практика анализа художественного текста: учеб. пособие. Волгоград, 2012.
6. Иванов Д.И. «Героическая эпоха» русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь, 2007. Вып. 9. С. 44–54.
7. Капрусова М.Н. К вопросу о вариантах функционирования модернистской традиции в русской рок-поэзии // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь, 2010. Вып. 11. С. 195–207.
8. Лаптева К. «Сплин» клином вышибают. Александр Васильев: «Спеть дуэтом не тянет ни с кем» // МедиаКорСеть. 2009. 21 апр. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mkset.ru/news/music/10424/ (дата обращения: 02.03.2015).
9. Липовецкий М. Трикстер и «закрытое» общество // НЛО. 2009. № 100 [Электронный ресурс].

URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html (дата обращения: 02.03.2015).

10. Матвеева Н.М. Поэзия В. Маяковского в современной рок-культуре: группы «Сансара» и «Сплин» // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь, 2010. Вып. 11. С. 189–195.

11. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1955. Т. 1.

12. Семенова Г.С. Художественная антропология в литературе западноевропейского романтизма // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4. С. 103–111.

13. Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург; М., 2009.

14. Спин. Альбом «Резонанс, часть 2» (2014) [Электронный ресурс]. URL: http://splean.ru/music/album/22/ (дата обращения: 02.03.2015).

15. Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция: избр. тр. М., 2002.

* * *

1. Bahtin M.M. Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let. M., 1975.

2. Bahtin M.M. Literaturno-kriticheskie stat'i. M., 1986.

3. Bahtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura Srednevekov'ja i Renessansa. M., 1990.

4. Vasil'ev A. Splin: teksty pesen. M., 2008.

5. Vorob'eva S.Ju. Avtor – tekst – chitatel': teorija i praktika analiza hudozhestvennogo teksta: ucheb. posobie. Volgograd, 2012.

6. Ivanov D.I. «Geroicheskaja jepoha» russkogo roka // Russkaja rok-pojezija: tekst i kontekst. Tver', 2007. Vyp. 9. S. 44–54.

7. Kaprusova M.N. K voprosu o variantah funkcionirovanija modernistskoj tradicii v russkoj rok-pojezii // Russkaja rok-pojezija: tekst i kontekst. Tver', 2010. Vyp. 11. S. 195–207.

8. Lapteva K. «Splin» klinom vyshibajut. Aleksandr Vasil'ev: «Spet' dujetom ne tjanet ni s kem» // MediaKorSet'. 2009. 21 apr. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.mkset.ru/news/music/10424/ (data obrashhenija: 02.03.2015).

9. Lipoveckij M. Trikster i «zakrytoe» obshhestvo // NLO. 2009. № 100 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html (data obrashhenija: 02.03.2015).

10. Matveeva N.M. Pojezija V. Majakovskogo v sovremennoj rok-kul'ture: gruppy «Sansara» i «Splin» // Russkaja rok-pojezija: tekst i kontekst. Tver', 2010. Vyp. 11. S. 189–195.

11. Majakovskij V.V. Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. M., 1955. T. 1.

12. Semenova G.S. Hudozhestvennaja antropologija v literature zapadnoevropejskogo romantizma // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2013. № 4. S. 103–111.

13. Sloterdajk P. Kritika cinicheskogo razuma. Ekaterinburg; M., 2009.

14. Spin. Al'bom «Rezonans, chast' 2» (2014) [Jelektronnyj resurs]. URL: http://splean.ru/music/album/22/ (data obrashhenija: 02.03.2015).

15. Tynjanov Ju.N. Literaturnaja jevoljucija: izbr. tr. M., 2002.

Representation of asociality in the poetry by V. Mayakovsky and A. Vasiliev

There are represented the results of the comparative analysis of the motive dominant of asociality of the lyrical "I" in the poetry of the XX century. The variety of forms and functions of the character's behavior (revolt, carnival derision, alienation) allows the conclusion about the typological closeness of the methods of creative reflection of the authors conditioned by the external (similarity of crisis epochs) and internal (genetic kindred and succession) factors.

Key words: *lyrical character, literary tradition, rock poetry, romanticism, urbanism.*

(Статья поступила в редакцию 07.08.2015)

Е.А. КИВИЛИДИ
(Майкоп, Адыгея)

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В СТАТЬЯХ К.Г. ШАЗЗО

На материале статей адыгского литературоведа, академика К.Г. Шаззо отмечены основные моменты его литературно-полемического дискурса. Выделен лейтмотив этих публикаций: диспуты о роли соцреализма в северокавказской литературе, критика тенденции возведения в культ маститых писателей, проблема молодых писателей, проблема обесценивания в национальных масштабах значимости и культуры малого народа.

Ключевые слова: *полемическая статья, литературная критика, Шаззо, северокавказская литература, национальная культура и литература.*

Полемическую литературу можно охарактеризовать как зеркало идейных исканий в определенное время. В основном полемические статьи публикуются в периоды, когда

© Кивилиди Е.А., 2015